

Наконец Фан Шу хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Гуань, стой! — затем искусно затянул паузу. — О том, как Гуань-гун выбрался, узнаете в следующей главе!

— А-а! — кругом разочарованно зашумели. — Давай следующую!

Эрлян тоже поддакнул:

— Следующую!

Фан Шу, видя его радостное лицо, не смог отказать и уже собрался продолжать.

Но Эрлян, кажется, осознал, что переборщил, и поспешил к хозяину:

— Господин, если заняты — идите. Я просто под общий шум крикнул...

Дождь не унимался до самого вечера. Фан Шу, пользуясь редкой возможностью отдохнуть, продекламировал ещё несколько глав, а кто-то даже взял на себя обязанности подавальщика чая.

Хо Тайлин, прождав полдня в одиночестве, устал от симуляции болезни и бессмысленности этого занятия. Спросив, где найти Е Цзинчжоу, он отправился на поиски.

Едва войдя в палатку, он услышал звонкий голос Фан Шу. Тот, окружённый плотным кольцом слушателей, сидел в центре. Его обычно бледное лицо покраснело от усердия.

Остальные, решив, что Хо Тайлин пришёл из другого отряда послушать «орхидеяного таньхуа», дружелюбно потеснились, давая место.

Фан Шу, увлечённый рассказом, вдруг заметил на окраине круга Хо Тайлина. Тот сидел, подперев подбородок рукой, и внимательно слушал. Их взгляды встретились — оба на миг застыли. Фан Шу поспешно отвернулся. В сердце Хо Тайлина кольнула досада: «И в первый раз так же... Неужели я настолько противен? Ладно, и он мне не мил!»

Е Цзинчжоу, видя, что Фан Шу говорит уже давно, подошёл и шепнул ему на ухо. Алое от возбуждения лицо рассказчика постепенно побледнело. Тот кивнул и объявил собравшимся:

— Сегодня голос подводит. Продолжим в другой раз!

Солдат рядом с Хо Тайлином разочарованно вздохнул:

— Жаль, редко услышишь такого сказителя!

Другие подхватили:

— Этот «орхидеевый таньхуа» и бьётся здорово, и рассказывает — настоящий кладезь!

— Кладезь? — Хо Тайлин не сдержал смешка. — Что за кладезь? Сияет, как самоцвет?

Сосед-солдат сердито покосился на него:

— Как сокровище! И видный, и речистый, без заносчивости, да ещё и кулаки чешутся... — будь он девушкой, наверное, уже бы предложил руку и сердце. — Если б моя сестрица за такого, как «орхидеевый таньхуа», вышла — эх, предкам бы дымок из могил пошёл!

Остальные дружно хлопали его по затылку:

— Очнись!

— По-моему, такому, как господин Фан, сам император княжну в жёны пожелует! Твоей Ню Эрхуа даже и не мечтать! Ха-ха-ха!

В углу палатки поднялся хохот. Лишь сестрин обожатель хмурился, снося насмешки.

Хо Тайлину слушать это становилось всё неловче. Он вышел в одиночестве. Мелкий дождь, словно иглы, пронизывал до костей, навевая холод.

— Господин Хо разве не мог ходить? — Фан Шу, держа потертый бумажный зонт, прикрыл Хо Тайлина от большей части дождя.

Хо Тайлин, ощутив над головой тень, поднял взгляд. Розоватый свет, просачивавшийся сквозь зонт, окрашивал лицо Фан Шу в нежный румянец. Внезапно тот слился в памяти с образом из прошлой ночи. Хо Тайлин поспешно отвел глаза.

— Наверное, предсмертное оживление... Вдруг смог идти...

Фан Шу, закончив рассказ, и вправду почувствовал, что голос сдаёт. Прижав ладонь к горлу, он тихо произнёс:

— Прошу господина Хо вести себя приличнее.

— А я разве неприличен? Писаю — так, что на собственные ноги. Чуть ли не в шпагате!

Хо Тайлин был слишком высок — зонт задевал его макушку. С досадой он выхватил зонт у Фан Шу и зашагал вперёд, прикрываясь им сам.

— Мой зонт...

Хо Тайлин нарочно ускорил шаг. Фан Шу пришлось семенить следом. К счастью, до своей палатки было недалеко, но к приходу верхняя одежда уже основательно промокла. Ещё в столице гардероб его не блистал, а в походе и подавно — только этот синий халат, да и тот с заметной заплаткой на подоле. Стыдновато, конечно. Бережливость — одно, а бедность — другое. Он явно принадлежал ко вторым. Поэтому, сняв мокрый халат, он развесил его в палатке так, чтобы заплатка оказалась в тени, — как бы не увидел кто.

В простой белой рубашке с застёжкой направо Фан Шу казался высоким и худощавым. Влажные волосы прилипли к шее. Один взгляд — и Хо Тайлину стало душно. Холода он больше не чувствовал, лишь жар, разливавшийся по щекам.

Он перестал смотреть на Фан Шу. Тот, впрочем, не сердился из-за зонта, но и говорить не собирался, усевшись в сторонке с «Тремя стратегиями» в руках.

Хо Тайлин снова не выдержал и бросил взгляд: «И впрямь книжный червь! Обожает эти бумажные выкладки!»

— Фуянь, о чём ты сегодня рассказывал? Я только и расслышал: «Чжэньши — яшмовая кожа, цветочный лик, красота, что города рушит». И что дальше? Неужели тот Цао возжелал её?

Фан Шу, не отрываясь от книги, равнодушно ответил:

— «Троецарствие». — Затем, спохватившись, добавил:

— Ты что, «Троецарствия» не читал?

Хо Тайлин смущённо покраснел и покачал головой:

— Название слышал...

Фан Шу удивился:

— В детстве разве не увлекался подобными книгами?

В глазах Хо Тайлина мелькнула тень боли, но он сделал вид, что всё пустяк:

— Боевым искусствами занимался. Какие уж тут книжки!

— Тогда почему защиту паха не тренировал? — Фан Шу, не стерпев его высокомерного тона, не удержался от укола.

Хо Тайлин парировал:

— Какой уж там тренинг против копыта «орхидеяного таньхуа»? Подло!

От этих слов Фан Шу стало и стыдно, и досадно. Продолжи он — и драка неминуема. Ладно, не стоит с мелочным человеком связываться.

Видя, что Фан Шу снова его игнорирует, Хо Тайлину стало скучно.

Без дела он томился — человек он был не из сидящих сложа руки. Подвинулся поближе к Фан Шу, заглядывая в книгу. Запах сандала, смешанный с влажной теплотой, окутал его, вызывая лёгкое головокружение.

Фан Шу ощутил рядом источник тепла и поднял голову, желая спросить о намерениях, но сначала защекотало в носу — и он чихнул прямо на Хо Тайлина.

— Ой! — Фан Шу тут же принялся вытирать ему лицо рукавом. Тот стоял чёрнее тучи. — Прости, не сдержался!

Хо Тайлин хотел выругаться, да не нашёлся. Внимание его приковало близкое лицо: слегка нахмуренные брови, поджатые губы... Усердно вытирая его, Фан Шу выглядел беззащитным — и почему-то это успокаивало.

Покой длился недолго.

В палатку вошёл посыльный от Ма Гуя. Приподняв полог, он увидел Фан Шу, склонившегося над Хо Тайлином с рукавом у его лица. Посыльный счел нужным кашлянуть.

Фан Шу быстро выпрямился:

— В чём дело?

— Чэнь... Господин Чэнь прибыл!

Чэнь Линь?!

Фан Шу накинул полумокрый халат и сказал Хо Тайлину:

— Это Чэнь Линь!

Ма Гуй уже принимал Чэнь Линя и Дэн Цзылуна в своём шатре. Рядом был Лю Большой Меч. Войдя, Фан Шу увидел трёх незнакомцев: двое пожилых, а тот, что помоложе — лет сорока — должно быть, сын Чэнь Линя, Чэнь Цзюцзин. Из старших один — добродушный и учтивый, несомненно, Дэн Цзылун; другой — с пронзительным, хитроватым взглядом — без сомнения, сам Чэнь Линь.

Фан Шу первым отдал поклон:

— Давно наслышан о доблести господина Чэня!

Чэнь Линь расплылся в улыбке, подхватывая его:

— Должно быть, это и есть тот самый «орхидеевый таньхуа», о котором мне только что толковали оба господина! И впрямь — орхидея да нефрит! — Чэнь Линь говорил с густым гуандунским акцентом, и Фан Шу с трудом разбирал слова.

Чэнь Линь, хоть и не блистал учёностью, любил щегольнуть изящным слогом, частенько сочинял шуточные стишки и считал себя большим знатоком.

В этот момент вошёл Хо Тайлин. Чэнь Линь, заметив его, отпустил Фан Шу и бросился навстречу:

— Ё-ё! Да не Тайлин ли это? Как ты занесло в такие глухие места?

Хо Тайлин, на голову выше, обнял Чэнь Линя за плечи и ответил на том же гуандунском наречии:

— Дядя Чэнь, сколько лет не виделись! Шесть? И узнали-таки!

Фан Шу с Ма Гуем переглянулись — ни слова не понятно.

Хо Тайлин взглянул на Фан Шу и лихо подмигнул. Сердце Фан Шу ёкнуло, а щёки предательски вспыхнули.

Чэнь Линь усадил Хо Тайлина напротив Ма Гуя и сказал:

— Тебя-то как забыть? В семнадцать уже богатырём был, а теперь — и вовсе мужчина мужчиной!

<http://bllate.org/book/15514/1378133>